

**Проблема объективности исторического
познания: взгляды И.Д. Ковальченко
и современность**

Темой моего выступления является трактовка проблемы объективности исторического познания И.Д. Ковальченко. Поскольку речь идет о двух понятных периодах в жизни страны, то важен и вопрос, на который так или иначе дал свой ответ каждый историк по поводу изменения ее общественного строя: как ему быть с теми или иными сторонами своих прежних взглядов или даже с пониманием истории в целом? Каким был ответ в связи с рассматриваемой проблемой у академика И.Д. Ковальченко, что он дает нам сегодня?

Проблема объективности исторического познания является одной из фундаментальных проблем методологии и практики исторического исследования. Учитывая то, что на всем протяжении развития исторического знания эта проблема, так или иначе, привлекала внимание историков, причем, не только в методологическом плане, но и в связи с решением конкретно-исторических задач, не будет преувеличением сказать, что она относится к числу вечных проблем исторической науки. Столь почтенный возраст этой проблемы также указывает на то, что ее решение не могло быть одинаковым на разных этапах исторического знания; нет этого и сейчас.

И.Д. Ковальченко отдал должное анализу рассматриваемой проблемы в целом ряде ее аспектов теоретического характера и в тесной связи с опытом современного конкретно-исторического исследования, в том числе своего собственного и, что важно подчеркнуть, с учетом разработки и применения им современных количественных методов анализа. Каким было его понимание природы объективно-исторического знания, условий и способов его получения?

«Цель всякого, в том числе и исторического научного познания, состоит в получении истинных (подчеркнуто И.Д. Ковальченко — *Н.С.*) знаний, т.е. знаний, которые адекватно (подчеркнуто И.Д. Ковальченко — *Н.С.*) отражают изучаемую реальность»¹. В данном случае выделено два фундаментальных признака объективности исторического познания — адекватность образа реальности и отсутствие какого бы то ни было

отличия в этой связи исторического познания от других видов научного познания. Заслуживает внимания и применение в данной связи термина, сравнительно редко встречающегося в научном лексиконе — инвариантность. «Все, что было в прошлом, — писал И.Д. Ковальченко, — уже свершилось (подчеркнуто автором — *Н.С.*) и потому является инвариантным (подчеркнуто автором — *Н.С.*). В познании прошлого в его инвариантности и состоит задача исторической науки». Инвариантность в этой ситуации означает смысловую, содержательную однозначность происшедшего. Проблема познания, как ее формулирует И.Д. Ковальченко, — это «проблема возможности адекватной, однозначной (подчеркнуто автором — *Н.С.*) реконструкции объекта познания...» в свете субъективного характера познавательной деятельности². Понятие адекватной однозначности дается без какого-либо ограничения его содержания, что само по себе является проблемой понимания объективной истины. В целом же данная логика анализа, с которой нельзя не согласиться, направлена на решение следующих задач: в чем проявляется субъективный характер познавательной деятельности, почему объективность результатов познания возможна и в чем состоят ее критерии. Рассмотрим последовательно и в общих чертах взгляды автора в каждом случае и в их взаимной связи.

И.Д. Ковальченко констатирует наличие в исследовании дважды субъективированной картины изучаемого — в источнике и в ходе использования его историком, причем, не усматривает, что верно и важно, каких-либо различий в характере, природе субъективизации в каждом случае. Основное внимание уделяется анализу субъективного фактора в мышлении историка, в связи с чем различают субъективно-социальное и субъективно-индивидуальное.

Социальное качество позиции историка определяет его партийность, которую И.Д. Ковальченко рассматривает в качестве концентрированного выражения его классовой позиции. В ходе анализа традиционной проблемы соотношения объективности и партийности И.Д. Ковальченко вполне обоснованно отмечает, что партийность «сама по себе», т.е., следовательно, можно полагать — любая ее разновидность не исключает объективности³. Все дело, пишет он, в характере партийности. Фундаментальным признаком, по которому автор различает ту или иную роль партийности во всех ее разновидностях в познании, является мера ее совпадения с объективным ходом общественно-исторического развития⁴. Степень этого совпадения означает меру заинтересованности историка в объективно-

истинном характере познания прошлого. Последовательно отстаивая эту позицию, И.Д. Ковальченко писал, что такой общественной силой, максимально заинтересованной в настоящее время в истинном знании о прошлом, является рабочий класс. Отсюда фундаментальный вывод: пролетарская партийность в историческом познании органически сочетается с полной объективностью⁵.

Однако здесь же и сразу же делается уточнение позиции, которое не менее важно, чем она сама: «...революционное значение марксизма в развитии науки не означает, как иногда полагают..., что только на основе марксизма могут быть получены научные знания» об истории⁶. И все же, признавая за другими видами партийности наличие шансов на объективность, определяемых мерой соответствия характера партийности объективному ходу исторического развития, И.Д. Ковальченко подчеркивал: «Пролетарская партийность требует безусловной объективности. Они органически слиты»⁷.

Такова логика истолкования роли социального фактора в познании историка с точки зрения его влияния на объективность. Другой вид проявления субъективного фактора в познании — субъективно-индивидуальное. Куда относятся интуиция, воображение, фантазия и эстетическое восприятие исторической реальности. Как и следовало ожидать, эти сюжеты не отличаются значительной по объему аргументацией в рассуждениях автора, что связано с недостаточной их изученностью на материале мышления историка или даже наличию в этом таких компонентов, которые не поддаются логическому анализу. И.Д. Ковальченко отмечает разную познавательную роль этих факторов на разных уровнях познания — эмпирическом и теоретическом или при переходе от одного уровня к другому. Расшифровке не поддается не только природа этих факторов как таковая, но и в не меньшей степени их роль в движении познания от незнания к знанию или к более глубокому и полному знанию, в конкретном случае, явно лишь, что этот процесс никогда не бывает простым логическим развитием прежней истины, но всегда предполагает выход за пределы прежней логики мышления. Более определенно можно высказываться — это делает и академик И.Д. Ковальченко — относительно эстетического компонента в восприятии действительности. В этой связи он рассматривает вывод А.В. Гулыги о преимуществах исторического образа перед историческим понятием в смысле его устойчивости во времени, возражает этому и считает необоснованным взгляд на историческое познание, как на разновидность искусства⁸, либо как на гибрид научного и ху-

дожественного творчества. Что касается последнего тезиса, то это вполне особая тема; ибо этот взгляд распространен и сегодня, хотя это еще не говорит о его состоятельности.

Важной составной частью взглядов И.Д. Ковальченко на проблему объективности в его работах советского периода является проблема критериев исторической истины. Субъективный характер познавательной деятельности, утверждал он, не исключает возможности получения объективного истинного знания⁹. Объективность познания возможна благодаря объективному характеру его источников, построению исследовательского процесса, позволяющего получить объективные знания и заинтересованность познающего субъекта в получении истинных знаний¹⁰. По поводу последнего отметим, что может быть и прямая незаинтересованность в получении таких знаний, хотя это к науке отношения уже не имеет. В связи с анализом проблемы критерия истины автор вводит различие понятий объективности истины, научность, что оправдано отчасти в связи с определением смысла и границ содержания терминологии: объективность знания — в отражении им реальности, истинность — в адекватности этого отражения". Это лишь более четко конкретизирует приверженность ученого той теории, по поводу которой он и в данном случае писал: проблема истинности может быть успешно решена лишь с позиций диалектического материализма, марксизм доказал, что критерием истинности знания является практика¹² (подчеркнуто автором — Н.С.).

Категория практики имеет во взглядах И.Д. Ковальченко двоякий смысл: в качестве синонима реальной истории, действительности, и в качестве знания о ней, что вполне отражает наличие реальных каналов проверки научности исторических знаний. Следует сказать, что наиболее аргументировано во взглядах ученого выглядит анализ исторического познания в качестве критерия практики. Автор выделяет следующие варианты доказательства истинности знания самим знанием: 1) общий смысл правильности оценки какого-либо события подтверждается учетом его последствий¹³; 2) истинность полученных данных проверяется новыми полученными фактами; 3) способом проверки знаний является логическая, содержательная непротиворечивость тех или иных трактовок событий¹⁴; 4) содержательная проверка истинности исторического знания осуществляется путем включения его в более широкую и общую связь событий, систему знаний¹⁵. Этими соображениями И.Д. Ковальченко ограничивается, хотя ясно, что анализ с целью выявления иных способов проверки знания с помо-

щью самого развивающегося знания может быть — и вполне успешно — продолжен.

Что же касается проверки знания путем соотнесения его с практикой как реальностью, историей, хотя это тоже может быть вариантом соотношения знания со знанием и не может быть, скажем, в форме эксперимента, то здесь позиция И.Д. Ковальченко ограничивается общими, хотя и верными соображениями. Практика выступает в этом случае в качестве критерия только как исторический процесс, как отдельный акт практика относительна¹⁶. Такую роль практика как реальность играет, по мнению автора, лишь по отношению к результатам познания, имеющим прогностический характер. Что же касается проверки знаний о прошлом с помощью современного историка или хода развития событий, то возможности этого, считал ученый, ограничены¹⁷. Да, но они есть — более того — имеют фундаментальное значение. Оно состоит в общем виде в том, что развитие истории раскрывает смысл событий прошлого и помогает его понять глубже и вернее, чем это было доступно современникам этих событий. Это обеспечивает развитие знания и является его критерием одновременно.

Таковы некоторые основные позиции взглядов И.Д. Ковальченко на проблему объективности советского периода. Что в них соответствовало духу того времени и ушло вместе с ним? Что сохранило свое научное значение вопреки этому? И, наконец, самое главное — что изменил сам ученый в связи с иной ситуацией в стране? Касаясь сути рассмотренных взглядов, нельзя не заметить, что их стержнем является марксистская, а в некоторых фрагментах — заостренно-полемиическая и защитная реакция по поводу научности материалистической теории в целом, проблемы объективности — в частности. Это касается, прежде всего, трактовки соотношения объективности и партийности, их гармонии, или, как выразился автор, их слитности. Реакция отторжения на это сегодня психологически понятна в силу ряда причин, это не сводится только к усталости от терминологии. Но не следует забывать, что проблема соотношения объективности и партийности существовала не только в марксистском варианте и во всяком случае в немецкой историографии была поставлена независимо от Маркса и раньше его. В марксистской ее постановке партийность рассматривалась в качестве концентрированного выражения социально-классовых позиций историка. Но даже если отказаться от этого, нельзя преодолеть другое — социальную, в каждое время свою суть, природу мышления историка. Проблема от-

носителем того, какова ее роль в познании и как ее оценивать теоретически и в конкретно-историческом анализе в любом случае остается применительно к любому варианту гносеологии. Другое дело — тезис о полной гармонии партийности и объективности в марксистском варианте. Такой проницательный ученый, как И.Д. Ковальченко, не мог не замечать, что в практике конкретного исследования в советской историографии партийность служила источником искажения прошлого, даже если мы признаем, что дело не всегда в самом принципе партийности, а в том, как этот принцип мог применяться историком в том или ином случае. Однако для всесторонней оценки позиции ученого в данной связи нельзя не вернуться к приведенному уточнению его позиции, суть которого в отрицании того, что истинные знания могут быть получены только с позиции марксизма. В этой, по существу оговорке есть все: и дух времени, и определенный отход И.Д. Ковальченко от него. Дух времени — это глобальное идеологическое и всякое иное, нередко бескомпромиссное противостояние двух миров, двух систем, в котором ученый занял свою позицию, и, что важно подчеркнуть, занял искренне и убежденно. Но это и отход, — что лишь украшает его как ученого — отказ от солидарности с официальным, по существу, тезисом о «единстве научной теории», тезисом, который не вытекал из глубокой сути самой теории. Но это даже не самое главное. Суть в том, что основной смысл взглядов ученого — историк имеет тем больше шансов на истину, чем больше его позиция согласуется с объективным ходом общественно-исторического развития — этот смысл не утратил своего значения и сегодня. Критерием проверки этого вывода является не приверженность историка какой-либо теории, а само развитие исторического познания, которое, как известно, шло через сосуществование и смену различных подходов к истории и остановило неоспоримый материал в поисках и получении истинного знания.

И последнее: как повлияло изменение общественного строя в стране на взгляды И.Д. Ковальченко по рассматриваемой проблеме, хотя этот вопрос и нельзя рассматривать изолированно от его научных позиций в целом? Перед ним встал вопрос об отношении к марксизму как научной теории. В самом сжатом изложении суть этого отношения стала такой: 1) в этой теории есть нечто изначально ошибочное, 2) есть положения, обладающие достоинством истины для своего времени и представшие быть таковыми сегодня и 3) есть нечто непреходящее. А вот это верно, как бы кто к этому ни относился. Причем,

верно не только в связи с оценкой данной теории, но и в качестве приема, могущего быть примененным и к любой другой теории. Из этой общей позиции вытекает и отношение ученого к рассматриваемой проблеме, хотя оно и не выражено так детально, как раньше. Самое главное заключается в выводе о том, что «...следует напрочь исключить какие бы то ни было претензии на возможность создания неких универсальных и абсолютных теорий и методов исторического познания. Это обусловлено неисчерпаемостью развития, что делает невозможным разработку каких бы то ни было всеохватывающих теорий»¹⁸. И даже неакадемически сочное: «...любой метод ...для чего-нибудь да хорош»¹⁹. Какое это имеет отношение к рассматриваемой проблеме? Отмеченные изменения в позиции ученого не затронули главное — его убеждение в том, что изучение прошлого «...направлено на получение истинных знаний, адекватно отражающих как различные стороны общественно исторического развития, так и его общий ход»²⁰. Но появилось то новое, что должно в иной, изменившейся общественной ситуации обеспечить решение этой задачи — «...переход от догматического гносеологического монизма (в любых его проявлениях) к познавательному плюрализму». Смысл плюрализма ученый видит в том, чтобы углубить, т.е. более адекватно понять изучаемое, «...а не в абсолютизации права ученого трактовать ход того же исторического развития по своему субъективному представлению, как нередко утверждалось и утверждается в настоящее время»²¹. Таков завет этого по-настоящему большого ученого, сразу уловившего суть новых веяний в области гносеологии. При этом дело заключалось не просто в отстаивании принципа объективности в указанном его понимании, но и в теоретическом и, — что важно подчеркнуть, — практическом его обогащении на основе совершенствования способов движения познания к истине. Это — математические методы в историческом исследовании, в оценке роли и значения которых он сохранял и здравый смысл и осторожность. Вот подтверждение: «Возможности измерения, в том числе и на основе описательных характеристик, исторических объектов будут расширяться по мере развития науки. Но даже если когда-либо все в историческом развитии окажется возможным измерить, качественный анализ этого развития остается описательным, будет базироваться на сущностно-содержательных понятиях и категориях, выраженных в естественно-языковой форме»²².

Изменение общественного строя в стране привело к складыванию в области исторического познания новой ситуации —

плюрализма, свободы выбора историком методологической, как и иной позиции. Следует признать: тезис о «единственно научной теории», определявший позицию советского историка, ничего кроме вреда не принес ни самой теории, ни обществу этой поры, даже если учесть, что упомянутый тезис был во многом неизбежным следствием глобального, в своей основе непримиримого идеологического противоборства, в условиях которого весьма значительная часть историков другого полюса этого противоборства выводила марксизм, как теорию и марксистскую историографию в целом, за грань науки. Эмоциональный спектр такого отношения к марксизму широк — от ненависти до предостережений об опасности тех или иных теоретических положений марксизма²³.

Но не менее важно учесть и другое: и в период жесткого идеологического противостояния двух систем, и в настоящее время эта позиция не была и не является ни единственной, ни исчерпывающей собой весь спектр отношения к марксизму историков, не числящих себя сторонниками марксистской ориентации понимания истории. Есть примеры и, так сказать, крайнего выражения симпатий по отношению к марксистской историографии. А. Марвик, известный представитель английской исторической науки XX в. писал: самые острые, стимулирующие научное творчество работы создаются сегодня историками, считающими себя марксистами²⁴. Конечно, ни позитив, ни негатив во взаимоотношениях между субъектами различных методологических и идеологических и т.д. подходов к изучению истории не являются в целом критерием научности или, напротив, показателем несостоятельности этих подходов. Критерием может быть только степень соответствия упомянутых подходов объективной логике исторического развития, иными словами, их истинность и научность будет прямо пропорциональна мере их адекватности изучаемым явлениям. В различных областях научного познания способы, приемы, методы реализации этой адекватности неизбежно различны, соответственно предмету научного познания в каждом случае. Что же касается смысла самого понятия адекватности в области исторического познания, то он не является ни марксистским, ни антимарксистским, ни буржуазным, ни каким-нибудь еще, более того — этот смысл является общенаучным: требование адекватности в равной мере относится ко всем областям научного познания, ибо без этого не может быть науки. Верность этому принципу сохранил настоящий ученый Иван Дмитриевич Ковальченко.

Примечания

- ¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 239.
- ² Там же. С. 224.
- ³ Там же. С. 243.
- ⁴ Там же. С. **244—245**.
- ⁵ Там же. С. 245.
- ⁶ Там же. С. 246.
- ⁷ Там же. С. 250.
- ⁸ Там же. С. 250.
- ⁹ Там же. С. 259.
- ¹⁰ Там же. С. 241 — 242.
- ¹¹ Там же. С. 262.
- ¹² Там же. С. 258, 260.
- ¹³ Там же. С. 266.
- ¹⁴ Там же. С. 267.
- ¹⁵ Там же. С. 263.
- ¹⁶ Там же. С. 268.
- ¹⁷ Там же. С. 264.
- ¹⁸ Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 4.
- ¹⁹ Там же. С. 5.
- ²⁰ Там же. С. 3.
- ²¹ Там же. С. 5.
- ²² Ковальченко И.Д. Методы... С. 313.
- ²³ Ritter G. Leistungen, Probleme und Aufgaben der in ternationalen Geschichtsschreibung zur neueren Geschichte — Relationi del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Roma, 1955, Vol. VI. S. 312-313.
- ²⁴ Marwick A. The Nature of History. N.Y. 1971. P. 48.